

Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ.

(Изъ бумагъ Ал. Н. Попова).

IV¹⁾.

Республика надоѣла Франціи; въ общемъ презрѣніи и ненависти къ своимъ правителямъ соединялись всѣ враждебныя между собою партіи, и эта ненависть усилилась еще болѣе вслѣдствіе поражений въ Италіи. Когда Моро возвратился въ Парижъ, Сіесъ ему предлагалъ произвести государственный переворотъ и взять власть въ свои руки. „Въ это время“, говорилъ онъ впослѣдствіи передъ судомъ, „я не былъ болѣе республиканцемъ, нежели во всю мою жизнь, однако же показалъ себя самымъ ревностнымъ. На меня смотрѣли съ особеннымъ вниманіемъ и довѣріемъ тѣ лица, которыя располагали силою дать новое направленіе республикѣ. Миѣ предложили, и это всѣмъ извѣстно, стать во главѣ и произвести такой же переворотъ, какой былъ произведенъ впослѣдствіи 18-го брюмера. Мое честолюбіе, если бы у меня его было много, легко оправдали бы общою пользою и даже чувствомъ любви къ отечеству. Предложеніе было сдѣлано лицами, получившими извѣстность во время революціи своею любовью къ отечеству и своими дарованіями въ нашихъ представительныхъ учрежденіяхъ, но я отказалъ. Я считалъ себя способнымъ предводительствовать войсками, но не хотѣлъ предводительства надъ республикою“. Не изъ особеннаго уваженія

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, октябрь, 1910 г.

къ тогдашнимъ правителямъ Франціи, не изъ любви къ республиканскому ея устройству Моро отказался произвести государственный переворотъ, который онъ самъ считалъ необходимымъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго разказа; но потому, что не считалъ себя призваннымъ къ тому, чтобы властвовать надъ Франціею, а только предводительствовать войсками. Высокая честность Моро, какъ гражданина, выразилась въ этомъ случаѣ во всемъ величіи. Но въ то время, когда онъ отказывался отъ верховной власти надъ Франціею, къ одному изъ ея портовыхъ городовъ (Fréjus) причалила (9-го октября 1799 г.) эскадра изъ четырехъ судовъ. На ней приплылъ Бонапартъ къ берегамъ Франціи, бросивъ въ Египтѣ ввѣренную ему республикою армію на произволъ судьбы. Его прибытію предшествовали только что обнародованные фантастическіе разказы объ экспедиціи въ Сирію, о побѣдахъ при горѣ Фаворѣ, Абу-Кирѣ. Франція встрѣтила его, какъ избавителя; въ Парижѣ всѣ стремились къ нему и вызывали къ дѣйствию, предлагая свои услуги. Правительство, которое могло бы отдать подъ судъ главнокомандующаго, бросившаго вдали свою армію, лишившись всякаго значенія, само чествовало его, какъ героя. Бонапартъ, изучая положеніе дѣлъ, подготавливая средства, показывалъ видъ, что хочетъ держать себя въ сторонѣ. Къ нему стекались всѣ, онъ не бывалъ ни у кого первымъ. Въ этомъ случаѣ онъ сдѣлалъ одно исключеніе. Встрѣтившись съ Моро у предсѣдателя Директоріи, онъ первый поѣхалъ къ нему, желая привлечь его къ себѣ, единственнаго въ то время человѣка, который могъ соперничать съ нимъ, и достигъ своей цѣли. Моро не только не противодѣйствовалъ его замысламъ, но оказалъ ему содѣйствіе во время переворота 18 брюмера. „Когда совершился этотъ переворотъ“, говорилъ впоследствии передъ судомъ Моро, „я былъ въ Парижѣ. Эта революція, вызванная другими, а не мною, не была однако же противна моимъ убѣжденіямъ. Управляемая человѣкомъ, озареннымъ такою славою, она давала поводъ надѣяться, что приведетъ къ счастливымъ послѣдствіямъ. Я содѣйствовалъ ей, тогда какъ меня уговаривали стать во главѣ противной партіи и дѣйствовать противъ нея. Въ Парижѣ я получилъ предписанія отъ генерала Бонапарта и привелъ ихъ въ исполненіе. Такимъ образомъ я способствовалъ ему возвыситься до такой степени могущества, какой требовали обстоятельства того времени“. Въ знакъ благодарности, генераль Бонапартъ въ первое время послѣ своего возвышенія поддерживалъ добрыя отношенія къ Моро и предложилъ ему начальство надъ рейнскою арміею. Но, стремясь къ неограниченной власти, первый консулъ не могъ съ довѣріемъ относиться къ такому защитнику свободныхъ учрежденій, котораго за-

слуги цѣнила вся Франція и котораго, хотя бы и нѣкоторыя партіи, выставляли какъ его соперника. Назначеніе Моро, удалившее его изъ Парижа, уже было весьма важно для Бонапарта. Озабоченный военными дѣйствіями, онъ издали не могъ конечно пристально наблюдать за его поступками. Ему поручалось устроить армию въ 130 тысячъ и, съ открытіемъ весны, начать походъ переправою черезъ Рейнъ. Его дѣйствія имѣли рѣшительное значеніе въ глазахъ перваго консула для достиженія главной цѣли всѣхъ военныхъ дѣйствій, которая заключалась въ томъ, чтобы вновь завоевать Италію, исторгнутую изъ-подъ власти Франціи побѣдами Суворова ¹⁾. Удаленіе русскихъ войскъ съ поприща военныхъ дѣйствій давало полную возможность достигнуть этой цѣли. Рейнская армія своими дѣйствіями привлекая на себя непріятеля и вынуждая его обезсилить войска, дѣйствовавшія въ сѣверной Италіи, могла оказать великую заслугу республикѣ; но эту заслугу можно было впоследствии отодвинуть на задній планъ успѣхомъ войскъ, которыя должны были дѣйствовать въ сѣверной Италіи. Нѣкоторые изъ боевыхъ сотрудниковъ Моро въ этой кампаніи, зная или подозрѣвая, конечно, счеты съ нимъ перваго консула, предполагали даже, что такую многочисленную армию онъ составилъ вовсе не для того, чтобы отдать ее въ распоряженіе Моро; но что онъ самъ хотѣлъ начальствовать надъ нею, поставивъ его въ положеніе своего помощника. Эти слухи доходили до Моро и будто бы онъ за большимъ обѣдомъ, въ присутствіи многихъ генераловъ, говорилъ, что „не допуститъ присутствія маленькаго Людовика XIV при своей арміи и если пріѣдетъ первый консулъ, то онъ немедленно удалится изъ арміи“ ²⁾. Дѣйствительно, такое намѣреніе имѣлъ первый консулъ, но невозможность оставить Парижъ принудила его отказаться отъ него ³⁾. Но если первый консулъ долженъ былъ отказаться отъ непосредственнаго начальства надъ Рейнскою арміею въ виду того, что его положеніе не было достаточно крѣпко, и онъ не могъ такъ скоро оставить Парижъ; то, во всякомъ случаѣ, какъ военачальникъ, увѣренный въ своемъ геніи, онъ не могъ быть доволенъ замѣчаніями Моро на предписанный имъ планъ военныхъ дѣйствій и, какъ глава правительства, не могъ не руководить самъ военными дѣйствіями рейнской арміи, тѣмъ болѣе, что они находились въ связи съ дѣйствіями другихъ армій и особенно италіанской, состоявшей

¹⁾ Memoires de Napoléon, запис. Г. Гурго, изд. 1840 г., стр. 68 и слѣд.

²⁾ Mémoires de M. Sent-Syr, т. II, стр. 103.

³⁾ Тьеръ, Hist. du Consulat кн. III; Ланфре, Hist. de Napoléon, т. II, стр. 143 и слѣд.

подъ начальствомъ Массены. Положеніе Массены было крайне затруднительно; въ это время, не получая ни подкрѣвленій, ни продовольствія, ни военныхъ запасовъ, съ арміею, простиравшеюся съ небольшимъ до 30 тысячъ, онъ долженъ былъ удерживать Аппенины отъ напора многочисленнаго непріятеля, владѣвшаго уже всею сѣвѣрною Италіею. Не упуская изъ рукъ завоеваній Суворова, Австрія хотѣла укрѣпить ихъ за собою и сосредоточила въ Италіи 120 тысячъ войска подъ начальствомъ барона Меласа. Въ случаѣ успѣшныхъ дѣйствій, на что рассчитывалъ вѣнскій кабинетъ, зная разстройство и малочисленность арміи Массены, онъ долженъ былъ взять Геную, пробиться черезъ линію Вара и вторгнуться во Францію. Значительный англійскій флотъ, постоянно крейсировавшій въ Генуезскомъ заливѣ, долженъ былъ высадить на помощь австрійцамъ 20 тысячный корпусъ англичанъ и эмигрантовъ въ Тулонъ, куда бы направились войска Меласа. Массена долженъ былъ охранять три прохода черезъ Аппенины, которые вели къ Генуѣ, Савоннѣ и Ниццѣ. Первый консулъ предписалъ ему болѣе всего заботиться о Генуѣ и сосредоточить большую часть своихъ войскъ у Бакетскаго прохода, оставивъ для охраны двухъ другихъ незначительные отряды,—на томъ основаніи, что, прорвавъ линію Вара, австрійцы не рѣшились бы вторгнуться во Францію, если бы въ Генуѣ оставался значительный корпусъ французскихъ войскъ, который могъ бы ударить на нихъ въ тылъ. Очевидно, съ этой стороны угрожала наибольшая опасность, и потому, казалось бы, слѣдовало подкрѣпить и снабдить всѣмъ нужнымъ войска Массены. Между тѣмъ всѣ способы, которыми могла располагать въ это время ослабленная Франція, употреблены были на то, чтобы устроить армію Моро, доведенную уже до 130 тысячъ человекъ, но въ этомъ-то и заключалась сущность плана военныхъ дѣйствій, предположеннаго первымъ консуломъ, который онъ хранилъ въ глубокой тайнѣ.

Армія Моро должна была дѣйствовать наступательно противъ 150 тысячной австрійской арміи, находившейся подъ начальствомъ генерала Края, полководца даровитаго, но, конечно, уступавшаго по способностямъ эрцгерцогу Карлу, который, вслѣдствіе несогласія съ мнѣніями вѣнскаго военнаго совѣта, былъ устраненъ отъ начальства надъ войсками. Краю предписано было наоборотъ дѣйствовать оборонительно,—на первое время, на основаніи слѣдующаго расчета вѣнскихъ стратеговъ. Когда Меласъ займетъ Геную, перейдетъ линію Вара и вторгнется во Францію, первый консулъ будетъ принужденъ отозвать войска съ Рейна, чтобы поспѣшить на помощь Массенѣ. Тогда генералъ Край, обойдя Швейцарію, долженъ былъ перейти Рейнъ и также вторгнуться во Францію.

По соображеніямъ перваго консула, Моро долженъ былъ, дѣлая ложныя распоряженія о переправѣ войскъ черезъ Рейнъ, скрыть отъ непріятели настоящее мѣсто переправы. Затѣмъ быстро переправить всѣ свои войска между Базелемъ и Шафгаузеномъ, по четыремъ мостамъ, для сооруженія которыхъ, по его распоряженію, уже готовлялись суда въ притокахъ Рейна. Но Моро представилъ возраженія противъ такого способа переправы. Онъ считалъ дѣломъ затруднительнымъ скрыть отъ непріятели не только мѣсто переправы, но и самую переправу, когда бы она началась. Мгновенно нельзя приготовить четыре моста и переправить 130 тысячную армію со всѣми ея тяжестями и обозами въ виду многочисленнаго непріятели, котораго расположеніе давало ему возможность скоро сосредоточить силы и помѣшать переправѣ. Неудача въ этомъ случаѣ была бы гибельна для рейнской арміи и отклонила бы исполненіе главной цѣли, къ которой стремились всѣ соображенія перваго консула. Эта цѣль заключалась въ томъ, чтобы, ударивъ во флангъ арміи Края, отбросить ее къ верхнему Дунаю, отрѣзать отъ Баваріи, разбить, и такимъ образомъ лишить возможности, въ случаѣ нужды, послать подкрѣпленія въ Италію. Моро предполагалъ, напротивъ, воспользоваться существующими мостами въ Страсбургѣ, Бризахѣ и Базелѣ, развлечь вниманіе непріятели, переправляясь нѣсколькими колоннами, и потомъ тайно двинуть ихъ берегомъ Рейна къ Шафгаузену, чтобы прикрыть переправу остальныхъ войскъ. Конечно, первому консулу не понравились возраженія, но онъ еще былъ не въ томъ положеніи, чтобы отвергать ихъ. Во всякомъ случаѣ, онъ желалъ настоять на своемъ: вызвалъ начальника штаба Моро, генерала Дессаля, три дня продержалъ его въ Парижѣ, объясняя превосходства своего плана дѣйствій съ тѣмъ, чтобы онъ убѣдилъ потомъ своего главнокомандующаго привести его въ исполненіе. Тонкій Дессаль, послѣ многихъ объясненій, говорилъ наконецъ: „Вашъ планъ болѣе геніаленъ, болѣе рѣшителенъ и, быть можетъ, болѣе надеженъ, но онъ не согласенъ со свойствами того, кто долженъ приводить его въ исполненіе. У Васъ особый способъ воевать, съ Вами никто не можетъ равняться. У Моро свой, который гораздо ниже Вашего; но такъ же очень хорошій. Позвольте ему дѣйствовать по-своему: онъ будетъ хорошо дѣйствовать; можетъ быть медленно, но вѣрно. Вы достигнете тѣхъ же послѣдствій, хоторыхъ желаете для успѣха общихъ соображеній всѣхъ военныхъ дѣйствій. Въ противномъ случаѣ, если Вы принудите исполнить Вашъ планъ, Вы его смутите, можетъ быть, оскорбите, и тогда Вы ничего не выиграете“.—„Вы правы“, отвѣчалъ первый консулъ, смягченный признаніемъ Дессаля пре-

восходства его военного генія надъ всѣми другими военачальниками,— „Моро не способенъ ни понять, ни исполнить на дѣлѣ мой планъ,— сказалъ онъ— „такъ пусть дѣйствуетъ по своему только бы онъ отбросилъ Края къ Ульму и Регенсбургу и потомъ, въ свое время, придвинулъ свой лѣвый флангъ къ Швейцаріи“.

Послѣдними словами онъ нѣсколько разоблачилъ свой общій планъ; но онъ былъ слишкомъ смѣлъ, чтобы можно было его угадать. Дессаль не угадалъ и, кажется,—не угадалъ и Моро. Увеличивая составъ его арміи, онъ имѣлъ въ виду достигнуть двухъ цѣлей: съ одной стороны, вѣрнѣе, поразить Края и отбросить его къ Дунаю, съ другой отдѣлить въ послѣдствіи отъ него значительный корпусъ для дѣйствій въ Италіи, на которую направлено было все его вниманіе. Подъ видомъ резервной арміи, которая бы въ случаѣ нужды подкрѣпила Моро, онъ приготовлялъ новую армію изъ такихъ элементовъ, изъ которыхъ, никто не вѣрилъ, чтобы возможно было ее составить при тогдашнемъ положеніи Франціи; радовался этому невѣрію и поощрилъ его, чтобы неожиданно для всѣхъ совершить дѣйствительно великій подвигъ, выразившій во всемъ блескъ его военный геній.

Въ то время, когда его приготовленія къ этому подвигу шли успѣшно, но далеко еще не были приведены къ окончанію, его смутило неожиданное имъ обстоятельство: Меласъ началъ военныя дѣйствія въ Италіи ранѣе, нежели онъ предполагалъ; но эта неожиданность только еще болѣе усилила его дѣятельность. Онъ понималъ очень хорошо, что Массена не въ состояніи долго выдерживать напоръ многочисленной австрійской арміи, а потому настоятельно требовалъ, чтобы Моро началъ наступательныя дѣйствія, негодовалъ на его медлительность, которая вовсе не зависѣла отъ его воли, но оттого, что правительство не давало достаточно средствъ, чтобы приготовить армію къ походу. Онъ послалъ въ главную квартиру Моро одно изъ лицъ, пользовавшееся наибольшимъ его довѣріемъ, Бертье, съ тою цѣлю, чтобы побудить его къ скорѣйшему переходу черезъ Рейнъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Бертье получилъ и другое, весьма знаменательное, порученіе. Первый консулъ желалъ, чтобы, преслѣдуя Края, Моро не вводилъ въ Германію свое лѣвое крыло, находившееся подъ начальствомъ Лекурба,—но оставилъ его въ Швейцаріи. Моро, конечно, не согласился, не зная напередъ хода своихъ дѣйствій, ослабить свою армію на 25 тысячъ человѣкъ. Наполеонъ же рассчитывалъ присоединить ихъ къ той арміи, которую онъ самъ поведетъ, и потому поручилъ Бертье заключить *письменное условіе* съ главнокомандующимъ рейнскою арміею, по которому онъ обязывался, послѣ *первыхъ успѣш-*

ныхъ дѣйствій противъ Края, возвратить Лекурба въ Швейцарію. Впослѣдствіи онъ нарочно послалъ въ главную квартиру Моро военнаго министра Карно привести въ исполненіе это условіе, поручивъ ему оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока Лекурбъ не выступитъ въ обратный походъ въ Швейцарію. Могла ли гордость Бонапарта, достигшаго уже верховной власти надъ Франціей, долго выносить подобныя отношенія къ одному изъ ея генераловъ? Примирить съ ними не могли Бонапарта никакія блестящія дѣйствія Моро. Участъ его была рѣшена въ его мысляхъ; но Наполеонъ былъ способенъ выждать благопріятныхъ обстоятельствъ, для исполненія своего разъ задуманнаго намѣренія, а если бы они не представлялись скоро сами собою, то онъ не остановился бы передъ тѣмъ, чтобы нетерпѣливо вызвать и создать ихъ самому.

Походъ Моро противъ Края былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ. Рядомъ побѣдъ, слѣдовавшихъ непосредственно одна за другою въ продолженіе одного мѣсяца и двухъ дней, онъ отбросилъ Края къ Ульму и тѣмъ лишилъ его возможности войти въ сообщеніе съ арміею, дѣйствовавшею въ Италіи. При Ульмѣ находился укрѣпленный лагерь, который и занялъ Край; а Моро остановилъ дѣйствія и только наблюдалъ за своимъ противникомъ.

Въ то время, когда баронъ Меласъ сосредоточилъ большую часть своихъ силъ противъ Генуи и у линіи Вара, исполняя предписанія вѣнскаго двора, усиленно требовавшаго, чтобы онъ шелъ впередъ, не опасаясь резервной арміи, въ существованіе которой онъ не вѣрилъ, первый консулъ перевелъ ее чрезъ Сенъ-Бернаръ и оказался въ тылу австрійскихъ войскъ. Его армія, съ корпусомъ, пришедшимъ отъ рейнской арміи, простиралась до 60 тысячъ. Битва при Маренго рѣшила судьбу арміи Меласа и Италіи. По конвенціи, заключенной въ Александріи, Австрія обязывалась уступить Франціи всю сѣверную Италію по рѣку Минчіо, т. е. всѣ завоеванія Суворова. Въ одинъ день исчезли всѣ слѣды его блестящаго похода.

Нѣкоторые изъ боевыхъ сотрудниковъ Моро, не имѣвшіе въ виду общаго хода военныхъ дѣлъ, упрекали его за бездѣйствіе послѣ того, какъ онъ вогналъ Края въ укрѣпленный лагерь при Ульмѣ ¹⁾. Это бездѣйствіе дѣйствительно лишило его славы новыхъ побѣдъ, давало возможность австрійскому главнокомандующему привести въ порядокъ войска и даже получить подкрѣпленія; но оно должно было доставить ему еще большую славу доблестнаго гражданина, готоваго отказаться даже отъ вѣрныхъ побѣдъ, столь

¹⁾ Saint-Syr, Mémoires, т. II, стр. 258 и слѣд.

лестныхъ для военачальника, въ виду общей государственной пользы. Моро уже зналъ въ это время о предпріятіи перваго консула и, конечно, понималъ, какое вліяніе будутъ имѣть происшествія въ сѣверной Италіи на дальнѣйшій ходъ дѣлъ во Франціи и въ Европѣ. „Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ извѣстій о вашихъ успѣхахъ“, писалъ онъ Бонапарту. „Мы съ Краемъ играемъ въ жмурки (nous tâtonnons), онъ съ цѣлю держаться при Ульмѣ, я—чтобы удалить его оттуда. Было бы опасно, особенно для Васъ, чтобы я перенесъ военныя дѣйствія на лѣвый берегъ Дуная. Занявъ теперешнее наше положеніе, мы принудили кн. Рейсса отодвинуться къ Тиролю, къ истокамъ Леха и Иллера, стало быть, онъ Вамъ не опасенъ. Прошу Васъ извѣстить меня о Вашихъ дѣйствіяхъ и скажите, что я могу сдѣлать въ Вашу пользу. Если Край пойдетъ на меня, я отступлю до Метмингена, присоединю къ себѣ Лекурба и мы подеремся. Если онъ отступитъ къ Аугсбургу, я пойду за нимъ, но въ этомъ случаѣ онъ оставилъ бы свою точку опоры при Ульмѣ. Тогда увидимъ, какъ надо будетъ дѣйствовать, чтобы обезпечить Ваши дѣйствія. Для насъ было бы выгодно дѣйствовать на лѣвомъ берегу Дуная и брать контрибуцію съ Вартенберга и Франконіи; но это не соответствовало бы Вашимъ пользамъ, потому что непріятель, попуская насъ разорять этихъ князей имперіи, могъ бы отправить отряды въ Италію“¹⁾. Не увлекаясь слѣпымъ низкопоклонствомъ передъ человѣкомъ дѣйствительно гениальнымъ и воздавая каждому свое, нѣтъ никакихъ поводовъ подозрѣвать въ неискренности это письмо. Его не подозрѣваютъ даже самые ревностные поклонники Наполеона; но въ такомъ случаѣ это письмо свидѣтельствуешь, что онъ понималъ и оцѣнивалъ по достоинству предпринятый первымъ консуломъ походъ, желалъ ему успѣха и, жертвуя своими выгодами и славою новыхъ побѣдъ, сформировалъ свои дѣйствія съ общою цѣлю, къ которой онъ стремился и которая дѣйствительно клонилась къ пользамъ отечества. И въ это важное въ исторіи Франціи время выразились во всей полнотѣ личныя свойства Моро, безукоризненно честнаго человѣка и гражданина. Но лишь только онъ получилъ—вѣрныя свѣдѣнія объ удачномъ переходѣ черезъ Альпы резервной арміи подъ предводительствомъ самого Бонапарта, а не Бертье, котораго выдавали за главнокомандующаго этою арміею, онъ снова открылъ наступленіе. Предусмотрительно и вѣрно рассчитанными движеніями и цѣлымъ рядомъ удачныхъ сраженій онъ вынудилъ Края оставить

¹⁾ Письмо Моро къ Бонапарту отъ 27 мая 1800 г. н. ст. (7 prairial, an VIII); Тьеръ, Hist. du Consulat, кн. III.

ульмскій лагерь. Край долженъ былъ отступить, чтобы не потерять сообщеній съ Вѣною, а Моро, преслѣдуя его, перешелъ Дунай при Гохштадтѣ. Край уже зналъ о битвѣ при Маренго и александрійской конвенціи. Отступая къ Инну, онъ предложилъ Моро заключить перемиріе, такъ какъ Бонапартъ уже заключилъ перемиріе съ барономъ Меласомъ. Хотя Край и скрывалъ отъ Моро о битвѣ при Маренго, но, получивъ извѣстіе о томъ, что первый консулъ заключилъ перемиріе, онъ понялъ, что его походъ увѣнчался успѣхомъ. Не одержавъ рѣшительной побѣды надъ австрійцами, Бонапартъ, конечно, не предложилъ бы перемирія и австрійцы со своей стороны не согласились бы принять его, если бы успѣхъ былъ на ихъ сторонѣ. Но онъ не имѣлъ извѣстій изъ италіанской арміи и потому не принялъ предложенія Края и продолжалъ военныя дѣйствія. Къ первымъ числамъ іюля онъ уже былъ въ серединѣ Баваріи, прогналъ изъ Тироля принца Рейсса, чтобы обезпечить свой правый флангъ, а Края—за Иннъ. Занявъ удобную мѣстность для квартиры своимъ войскамъ, получивъ достовѣрныя извѣстія о происшествіяхъ, совершившихся въ сѣверной Италіи, Моро заключилъ перемиріе съ австрійскимъ главнокомандующимъ и такъ же успѣшно окончилъ походъ, какъ его началъ. Дѣйствія Моро много способствовали успѣхамъ перваго консула въ Италіи; но слава Бонапарта покрыла побѣды Моро. На нихъ почти не обратили вниманія въ то время, когда Парижъ торжествовалъ успѣхи резервной арміи и восторженно встрѣчалъ Бонапарта. Моро находился при войскахъ въ Баваріи и не присутствовалъ при этихъ торжествахъ, что въ свою очередь способствовало тому, что про него забыли въ этомъ случаѣ. Но ему еще пришлось потомъ напомнить о себѣ новыми побѣдами. Въ концѣ іюля прибылъ въ Парижъ австрійскій генераль Сенъ-Жюльенъ съ утвержденіемъ александрійской конвенціи императоромъ и съ согласіемъ приступить къ переговорамъ о мирѣ. Первый консулъ хотѣлъ такъ же скоро рѣшить дѣло мира, какъ рѣшилъ военное дѣло. Ловкій Талейранъ сумѣлъ склонить австрійскаго посла подписать предложенныя условія мирнаго договора, не имѣя на то уполномочій своего правительства. Императоръ не могъ утвердить ихъ, соблюдая тайное соглашеніе съ Англіею. Онъ потребовалъ присутствія уполномоченныхъ Великобританіи при переговорахъ и заключеніи мира съ обѣими державами. Несмотря на то, что заключеніе мира съ Англіею не входило въ виды перваго консула, онъ однако согласился на предложеніе Австріи—съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы Англія согласилась напередъ заключить такое перемиріе на морѣ, какое заключено на материкѣ Европы; а тѣмъ временемъ онъ предлагалъ открыть пред-

варительные переговоры въ Люневилѣ. Англія не могла принять предложеніе Бонапарта, котораго цѣль была слишкомъ очевидна: онъ хотѣлъ воспользоваться перемиріемъ на морѣ, чтобы спасти египетскую армію. Представлялось избрать одно изъ двухъ средствъ: или совершенно прервать переговоры о мирѣ и продолжать войну, или, не прерывая переговоровъ, поставить Австрію въ необходимость нарушить свои соглашенія съ Англіей и заключить отдѣльный миръ. Но заставить Австрію рѣшиться на такой поступокъ возможно было только новыми пораженіями ея войскъ, которыя она между тѣмъ устраивала, усиливала и, удаливъ отъ начальства Края, назначила главнокомандующимъ бывшею его арміею молодого эрцгерцога Іоанна, жаждавшаго приобрѣсти славу полководца. Моро получилъ въ концѣ ноября предписаніе начать военныя дѣйствія. Несмотря на позднее время года, неудобное для военныхъ дѣйствій, онъ открылъ походъ и знаменитою битвою при Гогенлинденѣ вынудилъ Австрію къ заключенію отдѣльнаго отъ Англіи мира съ Франціею въ Люневилѣ. Ему пришлось заключить свои боевые подвиги на службѣ отечеству слѣдующимъ дѣломъ: чтобы спасти раненыхъ послѣ сраженія при Гогенлинденѣ, эрцгерцогъ Іоаннъ велѣлъ отпречь лошадей отъ пушекъ и увезти ихъ на нихъ. Эти, брошенные безъ упряжи, пушки, конечно, достались побѣдителямъ. Моро отправилъ ихъ къ эрцгерцогу при письмѣ, въ которомъ просилъ считать его участникомъ въ такомъ великодушномъ поступкѣ ¹⁾. Личныя достоинства, конечно, принадлежатъ лицу, но ими можетъ гордиться и та страна, которую это лицо считаетъ своимъ отечествомъ.

Ал. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Beauchamp Vie de Moreau, p. 80.